

ВЛАДИМИР ФЁДОРОВИЧ ОДОЕВСКИЙ – ОСНОВОПОЛОЖНИК ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕДАГОГИКИ МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК НАУКИ

Е. В. Николаева,

Московский педагогический государственный университет (МПГУ),
Москва, Российская Федерация, 119435

Аннотация. В статье представлена характеристика масштабной и многоаспектной музыкальной деятельности Владимира Фёдоровича Одоевского. Отмечается всё возрастающий интерес исследователей к изучению его вклада в становление и развитие отечественной музыкальной культуры и образования. Приводятся аргументы, свидетельствующие о том, что именно В. Ф. Одоевский является одним из основоположников отечественной педагогики музыкального образования как науки. Показано, что в сфере его научных интересов находились все основные пласты музыкальной культуры: музыка народная, религиозно-духовная, светская. На конкретных примерах продемонстрировано зарождение в его творческом наследии цивилизационного, интонационного и парадигмально-педагогического подходов к изучению состояния музыкального образования в России и прогнозированию путей его дальнейшего развития, а также рассмотрение им музыкальных проблем в философском, общенаучном и музыкально-педагогическом курсах. Подчёркивается перспективность интерпретации идей В. Ф. Одоевского применительно к решению актуальных в настоящее время музыкально-педагогических проблем.

9

Ключевые слова: Владимир Фёдорович Одоевский, отечественная музыкальная культура в 20–60-х годах XIX столетия, музыкальное искусство, музыкальное образование, педагогика музыкального образования.

Благодарность. Выражаю глубокую благодарность преподавателям кафедры методологии и технологий педагогики музыкального образования имени Э. Б. Абдуллина за ценные советы и пожелания, которые способствуют развитию авторской научной школы «История музыкального образования как наука и как учебный предмет».

© Николаева Е. В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Для цитирования: Николаева Е. В. Владимир Фёдорович Одоевский – основоположник отечественной педагогики музыкального образования как науки // Музыкальное искусство и образование / Musical Art and Education. 2025. Т. 13. № 1. С. 9–29. DOI: 10.31862/2309-1428-2025-13-1-9-29.

DOI: 10.31862/2309-1428-2025-13-1-9-29

VLADIMIR FEDOROVICH ODOEVSKY IS THE FOUNDER OF THE RUSSIAN PEDAGOGY OF MUSIC EDUCATION AS A SCIENCE

Elena V. Nikolaeva,

Moscow Pedagogical State University (MPGU),
Moscow, Russian Federation, 119435

Abstract. The article presents the characteristics of the large-scale and multi-aspect musical activity by Vladimir Fedorovich Odoevsky. There is an increasing interest of researchers in studying his contribution to the formation and development of the Russian musical culture and education. The arguments are given, indicating that it was V. F. Odoevsky who was one of the founders of the Russian pedagogy of music education as a science. It is shown that in the sphere of his scientific interests were all the main aspects of musical culture: folk music, religious-spiritual, secular. Concrete examples demonstrate the emergence of civilizational, intonational, and paradigmatic pedagogical approaches in his creative legacy to studying the state of music education in Russia and predicting ways of its further development, as well as consideration of musical problems from philosophical, general scientific, and musical-pedagogical perspectives. The perspective of interpretation of his ideas is emphasized to the solution of currently relevant musical and pedagogical problems.

Keywords: Vladimir Fedorovich Odoevsky, Russian musical culture in the 20s – 60s of the XIX century, musical art, musical education, pedagogy of music education.

Acknowledgement. I express my deep gratitude to the teachers of the Department of Methodology and Technology of Pedagogy of Music Education named after E. B. Abdullin for valuable advice and suggestions that contribute to the development of the author's scientific school "History of music education as a science and as an academic subject".

For citation: Nikolaeva E. V. Vladimir Fedorovich Odoevsky Is the Founder of the Russian Pedagogy of Music Education as a Science. *Muzykal'noe iskusstvo i obrazovanie* = Musical Art and Education. 2025, vol. 13, no. 1, pp. 9–29 (in Russian). DOI: 10.31862/2309-1428-2025-13-1-9-29.

Введение

В одной из своих статей Владимир Фёдорович Одоевский писал: «Есть люди, о которых нельзя говорить словами; всякая похвала в отношении к ним покажется обыкновенною, пошлою фразой; пред ними надлежало бы *изумляться в молчании*» [1, с. 171, курсив – *Е. Н.*].

Те, кто испытал когда-либо в своей жизни подобное состояние, думаю, согласятся, что такое молчание оказывается действеннее многих слов. При изучении истории музыкального образования оно таит в себе силы, способные побудить человека творческого ко всё более глубокому осмыслению историко-педагогического процесса в области музыкального образования. Оно порождает новое видение современного состояния педагогики музыкального образования, педагогической практики и своего возможного участия в их дальнейшем развитии.

Именно этими словами – «изумляться в молчании» – можно охарактеризовать состояние при обращении к изучению жизненного пути и творческого наследия самого Владимира Фёдоровича, уникальность и величие дарования которого поражают. При этом удивляет то, что, несмотря на большое количество трудов, посвящённых исследованию его жизни и вклада в развитие многих отраслей науки и искусства [2–10 и др.], вопросов остаётся больше, чем можно было бы ожидать.

Достаточно сказать, что до сих пор в источниках фигурируют разные сведения о рождении В. Ф. Одоевского. В одних из них это – 1803, в других – 1804 год (!), различаются также и конкретные дни: то – 11, а то и 13 августа. В этой связи нужно заметить, что датой рождения, указанной в 12-м томе Русского биографического словаря, изданного в Санкт-Петербурге под наблюдением председателя Императорского русского исторического общества А. А. Половцова, является 30 июля 1803 года (по старому стилю – *Е. Н.*) [11, с. 124]. Эти сведения были извлечены из автобиографической записки самого Владимира Фёдоровича, составленной по просьбе издателя, что, казалось бы, свидетельствует об их достоверности. Вместе с тем более точным есть основания считать датой рождения 31 июля 1804 (по старому стилю), на которую указывает Г. Б. Бернандт в опоре на почерпнутые им данные в автобиографических записках В. Ф. Одоевского и архивных документах [2, с. 6].

На сегодняшний день наименее изученными являются музыкально-педагогические воззрения Владимира Фёдоровича. Многогранному рассмотрению этого аспекта посвящено только одно фундаментальное исследование Г. А. Прасловой и созданное на его основе учебно-методическое пособие «Музыкальное образование как фактор развития человека в творческом наследии В. Ф. Одоевского» [6]. В контексте общественно-педагогической ситуации в России 20–60-х гг. XIX столетия автор рассматривает музыкально-педагогическую концепцию, мировоззренческие основания, методологические принципы, сущность и специфику взглядов Владимира Фёдоровича на музыкальное образование, осуществляемую им музыкально-просветительскую деятельность, значимость его идей для развития отечественной теории и практики музыкального образования. Исследование датируется 1999-м годом. За прошедшие годы в сообществе музыкантов-педагогов утвердилось представление о педагогике музыкального образования как науке, обогатился новыми концептуальными подходами инструментарий, применяемый в историко-педагогических

исследованиях [12]. Цель данной статьи – показать, что истоки произошедших преобразований были предуготовлены ещё в трудах В. Ф. Одоевского.

Предваряя знакомство читателей с последующими разделами, не лишним видится пояснение относительно выбранного в статье стиля изложения материала. Имеется в виду необходимость включения в текст большого количества довольно развёрнутых цитат, чтобы в центре внимания оказались главным образом воззрения самого В. Ф. Одоевского и его современников. Принципиальные отличия в орфографии приводимых материалов объясняются источниками, из которых они извлечены. Несводимость к единому правописанию даёт возможность приблизиться не только к пониманию сущности сказанного, но и к форме его выражения в традициях того или иного времени.

Необыкновенная одарённость и многогранность таланта В. Ф. Одоевского

Будучи по отцу представителем древнейшей ветви древа Рюриковичей, князь Владимир Фёдорович Одоевский получил образование в Московском университетском благородном пансионе. Впоследствии он занимал высокие государственные должности, но, несмотря на огромную занятость своими обязанностями, на протяжении всей жизни уделял особое внимание музыке. Её он считал искусством «божественным», «высшей сферой человеческого искусства». О том, насколько она была любима, многое может сказать его убеждённость в том, что музыка говорит «тем языком, на котором человеку понятно божество и на котором душа человека доходит до престола Всевышнего» [13, с. 117]. Тем самым она «служит представительницею внутренних, самых сокровенных, самых задушевных чувств, общих всякому человеку, но не выражаемых языком словесным» [1, с. 272].

12

Уже в годы учёбы в пансионе В. Ф. Одоевский прославился как талантливый пианист, поражающий современников своим уникальным мастерством чтения оркестровых партитур и искусством импровизации. Юношу привлекали также игра на скрипке, виолончели, оркестровые занятия, которые проводились в этом учебном заведении.

Одним из любимых видов музыкальной деятельности Владимира Фёдоровича на протяжении всей жизни начиная с ученических лет являлась композиция. В числе его сочинений есть фортепианные и органные пьесы, этюды, инструментальные ансамбли, романсы, песни. Во многих из них проявился интерес автора к полифонии, который наиболее яркое воплощение получил в канонах и фугах.

До нашего времени дошли и образцы обращения В. Ф. Одоевского к изобразительному искусству. Показательны в этом отношении написанные им в романтическом стиле автопортреты [1, с. 726; 14]. В его наследии есть также немногочисленные страницы, посвящённые анализу отдельных произведений Дюрера, Микеланджело, Перуджино, Рафаэля, Айвазовского, Брюллова и многих других западноевропейских и русских живописцев. Изучая данное направление творчества, М. И. Медовой отмечает: «Одоевский ценил в живописи способность изображать “чувствования, выдававшиеся наружу”, представлять идеалы, ценил присущую замечательным мастерам прошлого зрелость нравственного опыта» [15, с. 86]. О его видении живописи многое может сказать приводимая исследователем характеристика творчества

Рафаэля, Рейсдаля и Брюллова. В описании Владимира Фёдоровича они предстают «как творцы, преображающие действительность силою своего воображения и потому отклоняющиеся от фактографической точности» [Там же, с. 85]. Но наиболее примечательным является обнаруженное М. И. Медовым в архивных материалах предвосхищение В. Ф. Одоевским появления искусства импрессионизма, оформившегося значительно позднее. Исследователем установлено, что «ещё в 1835 г. он высказал мысль о возможности импрессионистического, в сущности, пейзажа. Одоевский предлагает вообразить, что некий талантливый живописец создал картину, в которой “не было бы ничего, как в осенний петербургский вечер”: от тумана нельзя было бы отличить облака, воздух от воды, горы от зданий. Такая картина “не имела бы никакого определённого предмета”, но, по мысли Одоевского, могла бы “произвести необыкновенное впечатление”» [Там же, с. 86].

Особо следует сказать о *литературном даре* В. Ф. Одоевского, который нашёл претворение в самых разных жанрах: романах, повестях, новеллах, рассказах, очерках, сказках, стихотворениях и др. Они высоко оценивались современниками. Его перу принадлежит и первый в России научно-фантастический роман «4338-й год. Петербургские письма», в котором автор размышляет о грядущих кардинальных изменениях в жизни землян [13, с. 305–330]. Причём многое из предвиденного им к настоящему времени сбылось и стало для нас вполне привычным.

Показательно, что Владимиром Фёдоровичем создано большое количество произведений не только для взрослых, но и для детей: «Городок в табакерке», «Сказки и повести для детей дедушки Ириней» и т. д. Неоднократно переиздаваемые, они и ныне пользуются у читателей огромной популярностью.

Во многих произведениях В. Ф. Одоевского большая роль отводится музыке. Подлинными шедеврами в этой области являются новеллы: «Последний квартет Бетховена» [13, с. 95–100], «Себастьян Бах» [Там же, с. 101–130]. Достаточно прочесть несколько страниц из этих сочинений, чтобы увидеть грандиозность литературного таланта автора, сонастроенность на передачу им мироощущения композитора, индивидуальности его художественно-образного мышления.

О многогранности творческой натуры Владимира Фёдоровича лучше всего могут сказать воспоминания его современников. Показателен в этом отношении небольшой фрагмент из выступления Председателя Общества любителей Российской словесности А. И. Кошелева в память о князе В. Ф. Одоевском:

«Онъ страстно и глубоко любилъ музыку; но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ постоянно, усердно и съ увлеченіемъ занимался науками; онъ изучалъ философію, химію, физику, естественныя науки, даже математику, но съ особеннымъ наслажденіемъ писалъ по части изящной словесности... не было знанія, къ которому бы онъ оставался равнодушнымъ... ни одна отрасль человѣческой дѣятельности не была ему чужда» [16, с. 3]. По воспоминаниям К. П. Победоносцева, он всё «хотѣлъ знать, во всемъ водворить порядокъ, обо всемъ разспрашивалъ, все выслушивалъ терпѣливо и внимательно» [Там же, с. 28].

М. Н. Погодин, знавший В. Ф. Одоевского со времён университетского обучения, отмечал, что он «по природѣ своихъ способностей, или повинуюсь требованіямъ обстоятельствъ, въ которыхъ находился, мѣнялъ часто предметы своихъ занятій: литература, философія, химія, педагогика, библіографія, филантропія, юриспруденція,

попеременно привлекали къ себѣ его вниманіе, – но постоянною спутницею его была музыка» [Там же, с. 23, курсив – Е. Н.]. По его наблюдениям, о такой увлечённости разными науками, литературой и музыкальным искусством сам Владимир Фёдорович сказал в своей повести «Сильфида» от лица одного из персонажей: «ты знаешь – любознательность, или, просто сказать, любопытство есть основная моя стихія, которая мѣшается во всѣ мои дѣла, ихъ перемѣшиваетъ, и мнѣ жить мѣшается; мнѣ отъ нея въ вѣкъ не отдѣлаться: все что-то манить, все что-то ждать вдали, душа рвется, страждетъ» [Там же, с. 25–26].

Если посмотреть на многогранность творческого наследия В. Ф. Одоевского с точки зрения музыканта-педагога, то станет очевидным, что в своих работах он предстаёт как: *философ*, который направляет внимание современников на значимость музыкального искусства и образования для духовного развития личности и общества в целом; *историк*, обладающий колоссальной эрудицией в области эволюции отечественной и зарубежной музыки, музыкального исполнительства; *исследователь* древнейших пластов русской музыкальной культуры; *математик*, считающий что музыка – «дочь математики», с которой она делит «мир бесконечного»; *педагог*, посвятивший многие труды изучению современного состояния музыкального образования и наметивший перспективные пути его дальнейшего развития; *просветитель*, считающий своей задачей образовывать современников в музыкальном отношении, привлекать их к обсуждению важнейших событий, оказывающих влияние на развитие музыкальной культуры; *изобретатель*, который, обладая уникальным музыкальным слухом, не мог смириться с темперированным строем на своём любимом музыкальном инструменте и, дабы его улучшить, конструирует 19-ступенный гармонический *клавицин* (в современной терминологии – энгармонический рояль, – Е. Н.), а также *орган Sebastianion*, предоставляющий исполнителю значительно большую, по сравнению с традиционными образцами, динамическую палитру.

И во всех обозначенных ипостасях Владимир Фёдорович Одоевский выступает как творец, ставящий перед соотечественниками новые проблемы и призывающий к их обсуждению и решению.

У истоков становления и развития в России педагогика музыкального образования как науки

С юных лет Владимир Фёдорович принимал активное участие в музыкальной жизни страны. В настоящее время в музыкально-педагогическом сообществе он хорошо известен как один из основоположников отечественного музыковедения, музыкальный публицист и критик. Но это лишь толика того, что сделано им для музыкальной культуры и образования. Его по праву есть основания считать **основоположником педагогики музыкального образования как новой для России области научных знаний**.

Работы В. Ф. Одоевского по философии музыки, музыкальной палеографии и этнографии, собранные им уникальные коллекции народных песен и древнерусских певческих рукописей, его обширная исследовательская деятельность заложили тот фундамент, на базе которого стало возможным более глубокое и многоаспектное изучение всех основных пластов музыкального искусства: народного,

религиозно-духовного, светского, – а также их педагогическое осмысление с точки зрения содержания музыкального образования.

Признание В. Ф. Одоевским значимости каждого из них для отечественной музыкальной культуры со временем становилось всё более органичным по мере погружения в их интонационную сферу. В качестве пояснения следует уточнить, что светской музыке Владимир Фёдорович оказывал внимание на протяжении всей жизни, начиная с ранней молодости. Что касается народной и религиозно-духовной музыки, то интерес к этим пластам музыкального искусства со временем всё более возрастал, особенно в плане оказываемого ими влияния на соотечественников. По наблюдениям А. И. Кошелева, он сначала «добродушно посмѣивался надъ своими друзьями – сотрудниками Русской Бесѣды (журнал славянофильского и патриотического направления, который издавался в Москве с 1856 по 1860 годы – Е. Н.), и сильно возставалъ противъ внесенія стихіи народности въ науку, политику и музыку. Но изученіе древней церковной и народной музыки произвело въ немъ коренной переворотъ; – и, въ послѣдніе годы, съ особеннымъ удовольствіемъ онъ говаривалъ: “посмотрите, какъ я вамъ послужу – музыкаю я обращаю къ вамъ болѣе душъ, чѣмъ вы можете того достигнуть всѣми вашими разсужденіями”. Въ послѣднее время, древняя церковная музыка была самымъ любимымъ предметомъ его занятій, и онъ жаждалъ той минуты, когда настанетъ для него возможность вполнѣ ему отдаться» [16, с. 5].

Таким образом, благодаря столь обширной сфере музыкальных интересов и активной творческой деятельности Владимиром Фёдоровичем фактически **были заложены предпосылки рассмотрения музыкального искусства и музыкального образования во взаимосвязи их трёх основных направлений развития: народного, религиозно-духовного и светского.**

Более того, по сути, в его трудах со всей очевидностью прослеживаются и предпосылки формирования **основополагающих методологических подходов к изучению истории музыкального образования**, оформившихся и получивших теоретическое обоснование лишь в конце 90-х годов XX столетия. Имеются в виду цивилизационный, интонационный и парадигмально-педагогический подходы [12, с. 58–68].

О зарождении в творческом наследии В. Ф. Одоевского **цивилизационного подхода** свидетельствует внимание Владимира Фёдоровича к отечественному музыкальному образованию в его сопоставлении с образованием в других странах. О направленности воззрений в этом отношении можно судить по следующей характеристике: «педагогика, как медицина, одна и та же в своих высших основаниях, *на практике должна изменяться с каждой страной, почти с каждым человеком*. Посему ни одна педагогическая метода не может быть переведена или целиком перенесена из одной страны в другую: “всякая учебная книга должна быть сочинена для своей земли”» [17, с. 285, курсив – Е. Н.]. Следовательно, «каждый русский педагог должен... возвысить собственное образование и достигнуть самому возможность написать русскую учебную книгу» [Там же, с. 285–286].

Утверждение о необходимости создания методы для своей земли не означало отрицания педагогических систем, оформившихся в других странах. Речь идёт лишь о недопустимости их перенесения целиком.

Владея английским, французским, немецким и итальянским языками, а также латынью, Владимир Фёдорович при изучении иностранной литературы и во время своих заграничных поездок в Германию, Францию, Швейцарию, Италию знакомился с состоянием в этих странах музыкального образования и получившими в них общественное признание методиками обучения.

Наиболее сильное впечатление на него произвёл цифровой метод французского учителя *Эмиля Шеве (Chevé)*, высокую результативность которого он увидел непосредственно во время посещения его занятий. Оценив её огромный потенциал в освоении музыкальной грамоты, В. Ф. Одоевский стал применять этот метод на проводимых им занятиях и разработал методические рекомендации учителям, которые были успешно апробированы в педагогической практике [1, с. 294–301 и др.].

Но при всём внимании к достижениям зарубежных музыкантов-педагогов магистральной линией на протяжении всей жизни В. Ф. Одоевского являлось стремление убедить общество в необыкновенной музыкальности русского народа. Владимир Фёдорович считал, что каждый русский человек в душе музыкант, и обучение его музыке является важнейшей общественной задачей. Более того, он был уверен, что «образовать публику в музыкальном отношении... это – долг всякого знающего музыку, как долг всякого знающего грамоте научить ей неграмотного» [1, с. 521, курсив – Е. Н.].

Продвижению такой позиции в жизнь способствовала деятельность В. Ф. Одоевского в качестве одного из инициаторов открытия в Петербурге Русского Императорского музыкального общества (1859), а затем и региональных отделений; Бесплатной музыкальной школы (1862); Петербургской (1862) и Московской (1866) консерваторий, которые качественно изменили отношение в обществе к профессии музыканта, поскольку она стала допустимой и для лиц дворянского происхождения. В обеих открытых консерваториях за основу была принята утвердившаяся в европейских странах форма учебных заведений, но в содержательном отношении они несколько отличались в плане ориентации на западноевропейские системы. Примечательно, что сам В. Ф. Одоевский состоял в Совецательных комиссиях и в Петербургской, и в Московской консерваториях.

Со всей определённой в творческом наследии В. Ф. Одоевского прослеживается и основополагающий для педагогики музыкального образования **интонационный подход**.

Характеризуя музыкально-педагогические воззрения Владимира Фёдоровича в интонационном отношении, следует отметить, что впервые, как уже отмечалось ранее, в истории отечественного музыкального образования им со всей определённой был поставлен вопрос о включении в содержание обучения всех основных пластов музыкальной культуры и прежде всего отечественной: сочинений русских композиторов, главным образом М. И. Глинки, а также М. А. Балакирева, А. С. Даргомыжского, Н. А. Римского-Корсакова, П. И. Чайковского и многих других; собственно русской народной музыки и русской православной музыки.

Стремление В. Ф. Одоевского понять интонационную природу традиционной русской музыки находило выражение в изучении им народных напевов, которому он, по его словам, посвятил более 20 лет. [16, с. 13]. За эти годы данная проблема неоднократно освещалась им в публикациях. Владимир Фёдорович подчёркивал,

что в вопросе о том, что следует называть русской музыкой, в обществе нет единого суждения.

Поясняя эту мысль, он замечает, что широко бытует точка зрения, согласно которой, «если в музыке употреблена какая-нибудь из народных песен, да подпущено много минора, то такая музыка уже и есть русская. Довольно трудно для многих выразуметь, что музыкальное произведение может не содержать в себе ни одного народного напева, а музыка быть вполне русской, и что, напротив, можно так переиначить ноты любой народной песни, что она сделается всем, чем вам угодно: итальянскою, немецкою, французскою, испанскою, – только не русскою» [1, с. 318–319].

Конкретизируя это положение, Владимир Фёдорович писал: «Дело не в том, чтобы перенести в какое-либо сочинение народный напев, а нечто гораздо труднейшее: перенося, или не перенося его, *воспроизвести в себе тот процесс, посредством которого с незапамятных времён творилось русское народное пение* – сочинителями безымянными» [Там же, с. 319]. Своим читателям он советовал обратить взоры к древним русским напевам, каковыми являются старинные допетровские песни, с характерными для них звукорядами. Владимир Фёдорович ратовал за то, чтобы именно они стали в первую очередь предметом исследования и изучения. Русский человек должен воспитываться прежде всего на русской песне с характерными для неё особенностями интонационного, ладового строения, с отсутствием вводно-тоновости, столь характерной для западноевропейской музыки.

Для решения этой задачи В. Ф. Одоевский считал необходимым накопление нужного музыкального материала. С этой целью он собирал народные песни, многие из которых сам записывал с голоса. Высоко оценивая сборник М. А. Балакирева «40 русских народных песен для голоса с фортепьяно», он подвергал жёсткой критике издания В. Ф. Трутовского, И. Г. Прача, Д. Н. Кашина, Д. И. Шпревича. В них, по его мнению, авторы «явно старались приноровить наши мелодии к западной форме, кто к итальянской, кто к немецкой; для сего вводили симметричный ритм, которому отнюдь не подчиняется раздолье нашего народного пения, подводили нашу мелодию под какой-нибудь определённый *тон* или *лад* (Tonart), и когда наша мелодия не гнулась, то наказывали её, подправляли, урезывали, приставляли к ней небывалые диезы и бемоли, и таким путём, уничтожая самобытность наших песен, придавали им искусственную пошлость» [1, с. 320–321]. Недопустимость столь вольной интерпретации Владимир Фёдорович объяснял тем, что «народный напев такая же *святыня*, как и народное слово» [Там же, с. 278, курсив – Е. Н.].

Одним из первых В. Ф. Одоевский поставил задачу возрождения в России и *исконно русского церковного знаменного пения*, которое, по его мнению, непременно должно быть представлено в содержании музыкального образования. Благодаря изучению материалов хранилищ Москвы и Троице-Сергиевой Лавры, поездкам по окрестным монастырям, беседам со знатоками старины, им была собрана уникальная коллекция певческих рукописей, теоретических руководств, учебных пособий по знаменному пению. Её анализ позволил автору выявить важные особенности древнерусского певческого искусства, изучение которых позднее было предусмотрено и в его методических пособиях.

О том, что идея о развитии данного направления активно проводилась им в жизнь, свидетельствует тот факт, что Владимир Фёдорович стал одним из инициаторов

открытия в Московской консерватории класса церковного пения. Подобное нововведение имело для него столь большое значение, что он считал для себя желательным по мере возможности присутствовать на экзаменах.

Показательно, что исследования В. Ф. Одоевским древнейших образцов знаменной системы пения были высоко оценены в России и за рубежом. Так, за свою работу «о сохранении древности в церковнорусском пении... Константинопольское музыкальное Общество, в программу которого также входили труды о сохранении древности в пении Восточной церкви, избрало князя Одоевского в число своих членов» [16, с. 14].

Лаконичное и в то же время ёмкое по содержанию высказывание А. И. Кошелева даёт представление об основной идее, которой руководствовался Владимир Фёдорович в своей исследовательской деятельности по изучению древнейших пластов отечественной музыкальной культуры. Это стремление к «изучению и восстановлению нашей древней церковной, и Русской народной музыки, и очищению её от всякой иноземной и несвойственной ей примеси» [16, с. 5].

Придавая первостепенное значение русской музыке во всех её ипостасях, В. Ф. Одоевский считал также необходимым образовывать широкие народные массы в музыкальном отношении и на лучших образцах западноевропейской музыки. Подтверждением тому являются многочисленные публикации автора, направленные на привлечение внимания читательской аудитории к шедеврам музыкального искусства, и прежде всего к произведениям И. С. Баха, Г. Берлиоза, Л. ван Бетховена, И. Брамса, Р. Вагнера, Й. Гайдна, Ф. Мендельсона, В. А. Моцарта, Ф. Шопена и др., исполнение которых являлось, по его мнению, событиями особой важности для музыкальной жизни Петербурга и Москвы.

В то же время Владимир Фёдорович резко восставал против преклонения публики перед так называемой новой итальянской музыкой – произведениями Дж. Верди, В. Беллини. Причиной его негативного отношения являлось чрезмерное увлечение ею многих музыкантов и пренебрежение общества к русскому музыкальному искусству. Не меньшее значение имело и стремление певцов украсить своё исполнение многочисленными руладами, чтобы показать совершенство владения вокальным мастерством.

О правомерности утверждения относительно концентрации внимания В. Ф. Одоевского на интонационной природе музыкального искусства свидетельствует и то, что, несмотря на большое количество статей и рецензий о музыке, выступлений с публичными лекциями, он подчёркивал, насколько сложно говорить о музыке. Владимир Фёдорович считал, что «нет труда тягостнее и бесполезнее, как рассказывать словами о музыкальном произведении. Музыка понимается только музыкально» [1, с. 116]. Поэтому о музыке «можно говорить лишь музыкаю же» [Там же, с. 483].

Важно подчеркнуть, что интонационный подход прослеживается и в оценивании В. Ф. Одоевским исполнительского мастерства. Особое значение он придавал самобытности дарования и её проявлению с точки зрения соответствия выбранной трактовки природе музыкального искусства и глубины проникновения в музыкальную ткань сочинения. Главным критерием в оценке исполнителя Владимир Фёдорович считал содержательность и выразительность.

Просматриваются в творческом наследии В. Ф. Одоевского и предпосылки зарождения основополагающего для педагогики музыкального образования *парадигмально-педагогического подхода*. Его воззрения в этом направлении основывались на результатах наблюдения за постановкой музыкального образования, которое получали обучающиеся в домашних условиях и в различных учебных заведениях страны в соответствии с принятыми в российском обществе традициями, а также на изучении учебных пособий зарубежных и отечественных педагогов и своём личном опыте педагогической деятельности. В этом отношении уместно заметить, что им горячо приветствовалось появление возможности преподавания музыки на русском языке [1, с. 502].

В своей целевой направленности преподавание должно быть направлено на *всеобщее музыкальное образование русского народа*. Только оно, по мнению В. Ф. Одоевского, могло способствовать повышению национальной музыкальной культуры. Для этого в содержательном отношении образование должно быть направлено на *музыкальную грамотность* в широком смысле слова, включая теоретические и исторические знания о музыке, а также обязательное освоение нотной грамоты как необходимого условия для свободного общения с музыкальным искусством. О том, насколько высокие требования выдвигал В. Ф. Одоевский для обучающихся, можно составить представление даже по одному выдвигаемому им требованию подготовки к прослушиванию новых произведений, предполагающей знакомство с нотным текстом, в том числе с партитурой симфонического произведения.

Одной из основополагающих концептуальных педагогических идей, которыми руководствовался Владимир Фёдорович, была убеждённость в том, что обучить музыке можно *всех людей вне зависимости от их возраста и музыкального опыта*. Основанием для такого утверждения являлась для него собственная практика. «Преподавая, как говорится (вернее было бы: передавая), – замечает он, – людям различных возрастов, различных степеней образования, я долгим опытом дошёл до следующих выводов:

- А. Нет предмета столь затруднительного, которого нельзя было бы передать людям, не имеющим о нём никакого понятия, если только сам (передающий – Е. Н.) вполне обладает предметом.
- Б. Нет ничего труднее, как угадать степень познания своих слушателей...» [Там же, с. 522].

При этом в основу обучения должна лечь художественно-дидактическая направленность, а также последовательность, систематичность и научность. В. Ф. Одоевский призывал педагогов не спешить и не верить «никаким так называемым ускорительным методам; они так же нелепы, как был бы нелеп совет одевать все части платья разом, чтобы скорее одеться» [1, с. 472].

Ещё одну фундаментальную педагогическую установку Владимир Фёдорович формулирует следующим образом: «*Абсолютной методы для педагогики не существует и не может существовать*» [Там же, с. 522, курсив – Е. Н.]. Поясняя сказанное, он указывает на то, что *метода, которой должны руководствоваться педагоги, творится даже не ими, а самими теми учениками, с которыми они имеют дело*. При этом «самый драгоценный» из этих учеников «тот, который всех меньше знает и всех тупее. Старайтесь отыскать это сокровище, – советует он начинающему

музыканту-педагогу, – и изучайте его несравненно более, нежели других; он для Вас послужит камертоном и укажет исходный пункт для той метода, которую Вы *должны будете изобрести в меру разума Ваших учеников*» [Там же, курсив – Е. Н.].

И далее: «Вслед затем тупым и малознающим Вы найдёте целую лестницу интеллигенций; собственно для каждого надобно особую методу, ибо если у Вас будет хоть 10 учеников, Вы не найдёте между ними двух равных по степени знания, а тем менее по составу и взаимодействию их способностей» [Там же].

Развивая эту мысль, Владимир Фёдорович пишет: «есть люди, которым не передашь ничего иначе, как путём аналитическим; надобно с ними всякую вещь пройти по крохам и привести к выводу почти невольно; другие совершенно теряются в частностях; им доступен лишь синтетический ход; дайте им формулу, на которую бы они могли опереться, или, лучше сказать, в которую бы они могли вкладывать все полученные ими впоследствии данные; есть люди, на разумение которых можно действовать, возбуждая лишь их воображения; на иных надобно действовать посредством памяти, для которых, по выражению Брюллова, воображение есть не иное что, как вскипячённая память, – да нет и двух памятей одинаковых...» [Там же].

Таким образом, у истоков становления и развития в России педагогики музыкального образования в качестве одного из основных постулатов выступал *дифференцированный подход к учащимся*, согласно которому именно ученик являлся *эпицентром педагогической, в том числе музыкально-педагогической, системы*. Применение его на практике означало непрерывный творческий поиск педагога в нахождении методических способов и приёмов, которые, с одной стороны, отвечали бы поставленной задаче, а с другой – личностным и музыкальным особенностям каждого ученика. И в этом можно усмотреть его понимание *педагогики музыкального образования и как науки, и как искусства*.

Высказанная В. Ф. Одоевским убеждённость в том, что нет и не может быть единой методики обучения по отношению к взаимодействию педагога и ученика, в наше время стала одним из стимулов для размышления над вопросом: а может ли вообще быть единая методика обучения?

Чтобы дать отрицательный ответ на этот вопрос, достаточно будет привести одного из возможных многочисленных аргументов. Совершенно очевидно, что нет и не может быть единой методики по отношению к разным пластам музыкальной культуры, ибо в каждом из них сокрыта та метода, которая является для него органичной и отвечает его интонационной природе [18, с. 17–21]. Однако на практике данное положение нередко остаётся вне поля зрения музыканта-педагога, поскольку по мере получения положительных результатов возрастает убеждённость в том, что разработанная им методика даёт наилучшие результаты. Но при этом довольно часто забывает о *возможных границах её применения в зависимости от осваиваемого музыкального материала*. Негативные последствия их отсутствия очевидны. На уроках музыки, например, до сих пор разучивание русских народных песен ничем не отличается от авторских произведений. Это означает, что вне сферы обучения оказываются и устная традиция перенимания опыта, и столь присущая народному творчеству вариативность, и другие базовые характеристики традиционной музыкальной культуры.

Методологический анализ музыкально-педагогических проблем

Методологический анализ как *метаметод педагогики музыкального образования* был разработан и введён в науку Э. Б. Абдуллиным в начале 90-х годов XX столетия [19], и с этого времени он получил многогранное претворение в исследованиях представителей его научной школы [20]. Но первые ростки такого подхода к анализу музыкально-педагогических феноменов можно обнаружить в творческом наследии В. Ф. Одоевского при характеристике их в философском, общенаучном и частнонаучном ракурсах, хотя они и не были объединены в логически выстроенную трёхуровневую пирамиду.

Известно, что за приверженность Владимира Фёдоровича к *философскому осмыслению проблем* сокурсники по учёбе прозвали юношу «Русский Фауст». Путём самообразования он познакомился в эти годы с философией Бэкона, Локка, Руссо, Спинозы, трудами Канта, Декарта, Ломоносова. Будучи почитателем концепции Шеллинга, он стал одним из основателей альманаха «Мнемозина», который выходил в 1824–1825 годах. В нём было опубликовано и несколько статей молодого *любомудра* (так называл себя сам В. Ф. Одоевский) с характеристикой философских проблем. К тому же, по воспоминаниям М. П. Погодина, «онъ затѣвалъ тогда даже словарь для исторіи философіи» (!) [16, с. 18].

В речи по окончании обучения в благородном пансионе Владимир Фёдорович охарактеризовал философию как науку всем наукам, науку всеобщую, имеющую влияние на все другие. Обосновывая свою позицию, он отметил, что науки «заимствуютъ отъ нея свои силы, какъ планеты отъ источника свѣта – солнца... Философія – мѣрило, которое мы можемъ примѣнять ко всѣмъ нашимъ познаніямъ; оно только можетъ опредѣлить вѣрность или невѣрность нашихъ мнѣній» [11, с. 129–130].

Изучение философских воззрений Владимира Фёдоровича Одоевского А. Г. Гачевой показало, что его представления о необходимости синтеза религиозного и научного знания, о предвидении им глобальных кризисов XX века и путях выхода из них стали предтечей такого мощного философского и научного течения, как *русский космизм* [22, с. 3]. Имеется в виду утверждение о целостности бытия и одновременно его внутреннем росте, движении к совершенству, подчёркивание того, что ключевая роль в этом движении принадлежит человеческому роду [4, с. 383]. С этих позиций в характеристике художественного акта им акцентируется мысль о том, что «человек не только властвует над природою, но творит её по своему образу и подобию» [Там же, с. 384].

Для понимания данного утверждения важно одно из уточнений, которое даёт В. Ф. Одоевский: «Почти везде религия породила искусства. Благодарность к помыслу исторгла их из души человека, и он захотел непременно *созданием* заплатить за *создание*» [22, с. 9, курсив – Е. Н.]. В дальнейшем, развивая данную мысль, Владимир Фёдорович поясняет: «душа человека божественна, оттого высоко звание человека, а тем более поэта или философа, как жрецов святилища, наиболее близких к божеству» [Там же]. При этом музыка характеризуется им как «*высшая наука и искусство*» [Там же, с. 12, курсив – Е. Н.].

Своё суждение относительно органичного слияния науки и искусства В. Ф. Одоевский поясняет следующим образом: «Самые строгие доказательства науки

производят на человека действие лишь тогда, когда душа его придёт в сочувствие с душою сочинителя; тогда только выражения его будут понятны читателю, ибо невыразимое в сочинителе найдёт своё дополнение в читателе, читатель сам договорит недосказанное сочинителем. Но произвести сие чувство может одна поэзия; следовательно, в наш век *наука должна быть поэтической*... Наше время есть приурочивание к новой форме души человеческой, где *поэзия с наукой сольются в едино*» [22, с. 39, курсив – Е. Н.].

Из вышеприведённых утверждений становится очевидным, что Владимир Фёдорович постоянно подчёркивал связь науки и искусства, видя в них **высшее единение**.

Весьма показательна в этом отношении характеристика музыки в романе «4338 год. Петербургские письма». Исследуя данную проблему, Н. В. Ковтун отмечает, что В. Ф. Одоевский видит в ней науку, которая открывает «законы всекосмической гармонии», приобщает человека «к тайнам мироздания... Через синтез наук, искусства, музыки осуществляется Мистерия единого просвещённого государства, составляется код универсальной культуры Будущего» [23, с. 182]. Он пишет: «Пронизанная, охваченная духом мировой музыки новая Россия порождает уже не политического человека-гражданина, но человека-поэта (“страна поэтов”), художника, способного *выстроить мир как симфонию*» [Там же, курсив – Е. Н.].

Примечательны с этой точки зрения советы, которые Владимир Фёдорович адресует музыкантам, сравнивая жизнь сочинения с огнём. В качестве подтверждения такого видения он даёт следующую характеристику творческого процесса рождения нового произведения у Бетховена, который, по его мнению, «писал партитуру прямо, поражённый своею мыслию, и невольно, сам не зная как, порождал новые эффекты инструментов, прежде ему самому не известные» [22, с. 12]. Переинтонируя эту мысль и адресуя её непосредственно в качестве рекомендации художникам, он даёт следующий совет: «Поражённый сильным впечатлением, должен писать тотчас, не медля, и из его земной мысли разовьются новые явления, для него самого неожиданные, проявившиеся *в индивидуальности его духа*» [Там же, курсив – Е. Н.]. При этом искусство, по наблюдениям В. Ф. Одоевского, «договаривает то, чего не досказала действительность» [1, с. 483], и между ними «существует такое дополнение, которое не имеет определённого образа, которое имеет способность применяться ко всякому выражению, и это дополнение есть *музыка*» [22, с. 41, курсив – Е. Н.]. Именно она, по его убеждению, составляет истинную духовную форму искусства, поэтому «чем выше произведение какого-либо художества, скульптуры, живописи, поэзии, – тем более в нём того, что можно назвать *музыкальностью*, – т. е. свойство производить впечатление невыразимое словами» [1, с. 484].

В плане рассмотрения В. Ф. Одоевским музыкально-педагогических проблем **на общенаучном уровне** показателен отмеченный ранее свойственный его натуре энциклопедизм. «Науки, – пишет В. Ф. Одоевский, – вмѣсто того, чтобы стремиться къ тому единству, которое одно можетъ возвратить имъ ихъ мощную силу, науки раздробились въ прахъ летучій, общая связь ихъ потерялась, нѣтъ въ нихъ органической жизни» [24, с. 37–38]. Это объясняет и его позицию относительно ущербности ограничения познаний в области одной науки: «Кто изучалъ только одну науку, тотъ... ея не знаетъ. Раздѣленіе наукъ есть дѣло искусственное, даже случайное... Дѣленіе человѣческихъ знаній на такъ называемыя науки произвольно и даже

ложно... Никакое отдѣльное знаніе... ни химія, ни физика, ни психологія (в отдельности) не даютъ понятія о предмете, ибо каждый предметъ для разумѣнія его требуетъ всѣхъ наукъ, и сверхъ того, ихъ разумнаго сопряженія... Въ каждомъ предметѣ природы являются всѣ науки вместе» [11, с. 129].

В этом отношении представляет интерес характеристика творчества В. Ф. Одоевского С. В. Хачатуровым, утверждающим, что он «ломал границы разных областей знания, нарушал конвенции. И в его “неправильном” способе мыслить, сопрягать всё со всем, возрождается универсальный тип учёного эпохи Ренессанса с одной стороны, а с другой – открываются горизонты метаязыка современного искусства» [25 с. 87]. Автор раскрывает близость стратегии В. Ф. Одоевского «с одной стороны, с миром ренессансных исследователей и художников масштаба Леонардо да Винчи, с другой, – с метамодернистскими темами прозрачных границ и гибридного понимания наук и искусств сегодня» [Там же, с. 84].

В наш век правомерность мысли Владимира Фёдоровича о «разумном сопряжении» всех наук при изучении каждого предмета подтверждена особенностями развития научного знания, хотя и не получила пока осмысления в своей целостности. Сегодня мы всё чаще становимся очевидцами того, что новые открытия делаются на стыке наук или наук и искусства. Такая тенденция заявила о себе и в педагогике музыкального образования, в орбиту которой в той или иной мере вовлечены все без исключения искусства и многие науки, в том числе философия, культурология, история, религиоведение, искусствоведение, психология, математика, физика, биология, медицина, филология, информатика и другие.

Особенности рассмотрения В. Ф. Одоевским музыкально-педагогических проблем на **частнонаучном уровне** получили многоаспектное раскрытие в учебно-методическом пособии Г. А. Прасловой [6], а также в статье «Владимир Фёдорович Одоевский», помещённой в качестве приложения к авторской монографии [18, с. 377–402]. Дабы не повторять сказанное, достаточно отметить то, что поднимаемые им проблемы рассматриваются и в теоретическом, и в методическом ракурсах.

Резюмируя сказанное о многоуровневом подходе В. Ф. Одоевского к рассмотрению музыкально-педагогических феноменов, надо отметить его позицию, высказанную ещё в юношеском возрасте, в 1823 году, согласно которой «путём к истине» является «спор учёный», «ибо человеку сродно впадать в заблуждения, и дело всякого то видящего остановить человека» [1, с. 81]. Дальнейшее развитие данная мысль Владимира Фёдоровича находит в утверждении о том, что свои мнения не могут быть выдаваемы за закон, но что в царстве наук «должно – не бояться своих мнений, думать не чужою головою, но, имея в виду одну истину, смело открывать умствования безвредные, и что чем новее мысли, тем более встречаются они противоречий и тем ближе мы к истине» [1, с. 86].

Заключение

Ратуя за развитие отечественной музыкальной культуры и образования, В. Ф. Одоевский считал необходимым привлекать к обсуждению музыкальных и педагогических проблем своих современников. Этому способствовали еженедельные вечера, проводимые в его доме с 1826 года. *Салон Одоевского* стал для петербургского

общества центром обсуждения новых идей, столкновения мнений, рождения новых взглядов, в том числе на важнейшие события в музыкальной жизни. Его посещали В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, А. С. Грибоедов, В. Г. Белинский, В. И. Даль, М. И. Глинка, А. С. Даргомыжский, А. Н. Серов и многие другие. Традиция проведения встреч, на которых обсуждались волнующие его современников вопросы, сохранилась и после назначения Владимира Фёдоровича в 1862 году сенатором и переезда в Москву.

Большое значение для популяризации в русском обществе идей В. Ф. Одоевского, привлечения соотечественников к размышлениям о музыкальной культуре и образовании имела проводимая им многоаспектная *музыкально-просветительская деятельность*. Она была направлена на освещение музыкальных, в том числе музыкально-педагогических, проблем на страницах периодической печати и в специальной литературе, предназначенной для всех любителей музыки, вне зависимости от их общественного статуса и музыкальной образованности. Нельзя не упомянуть и о проведении В. Ф. Одоевским начиная с 1864 года в своём доме так называемых *чтений о музыке*. Частично эти беседы были позднее опубликованы в методическом пособии, предназначенном для самообучения под названием «Музыкальная грамота или основания музыки для не музыкантов» [1, с. 346–368].

Закончить представленные в статье размышления о вкладе В. Ф. Одоевского в отечественную педагогику музыкального образования хотелось бы непосредственно словами Владимира Фёдоровича, который считал, что ни в деле науки, ни в деле искусства не погибает ничто, ибо «проходят, сокрушаются временем их вещественные проявления, но дух их живёт и множится. Правда, не без борьбы достётся ему эта жизнь, но самая эта борьба, записанная историей, есть для нас назидание и ободрение на дальнейшее подвиженье» [22, с. 63].

Эти слова Владимира Фёдоровича в полной мере применимы и по отношению к его творческому наследию. В своей совокупности музыкальная, музыкально-просветительская и музыкально-педагогическая деятельность В. Ф. Одоевского оказали огромное влияние на развитие отечественной музыкальной культуры и способствовали формированию в XIX столетии нового для России отношения к отечественной педагогике музыкального образования. Многие из его педагогических воззрений актуальны и сегодня, причём их научный потенциал ещё в значительной мере не реализован, поэтому одной из актуальных задач, стоящих перед музыкантами-педагогами при исследовании становления и развития в России истории музыкального образования в единстве цивилизационного, интонационного и парадигмально-педагогического подходов, является обращение к творческому наследию В. Ф. Одоевского. Это необходимо для восполнения лакун в представлениях музыкантов-педагогов об историко-педагогическом процессе в сфере музыкального образования. Но не только. Не будет преувеличением сказать, что обращение к творческому наследию В. Ф. Одоевского, его многоаспектное изучение в выбранном исследователем ракурсе позволит прикоснуться к вершинам музыкально-педагогической мысли в 20–60-х годах XIX столетия; открыть для себя новые подходы к решению актуальных для педагогики музыкального образования проблем; увидеть перспективы дальнейшего развития отечественного музыкального образования в органическом единстве традиций и новаторства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Одоевский В. Ф. Музыкально-литературное наследие / общ. ред., вст. ст. и примеч. Г. Б. Бернандта. М.: Государственное музыкальное издательство, 1956. 723 с.
2. Бернандт Г. Б. В. Ф. Одоевский – музыкант // В. Ф. Одоевский. Музыкально-литературное наследие. Вступительная статья. М.: Государственное музыкальное издательство, 1956. С. 5–78.
3. Богуславский М. В. Педагогический футуролог князь Владимир Одоевский // Вестник образования России. 2024. № 16. С. 65–73.
4. Гачева А. Г. Философское и художественное творчество В. Ф. Одоевского в контексте традиции русского космизма // Литература и философия: от романтизма к XX веку. К 150-летию со дня смерти В. Ф. Одоевского / отв. ред и сост. Е. А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2019. С. 382–396.
5. Махлина С. Т. В. Ф. Одоевский о языке музыки // Философский век. Альманах 13. Российская утопия эпохи просвещения и традиции мирового утопизма: Материалы Международной конференции 27–28 июля 2000 г. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2000. С. 102–110.
6. Праслова Г. А. Музыкальное образование как фактор развития человека в творческом наследии В. Ф. Одоевского: учебно-методическое пособие к курсу по выбору. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. Н. Герцена, 1999. 80 с.
7. Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Т. 1.2. 1913. URL: <https://imwerden.de/publ-774.html> (дата обращения: 05.01.2025).
8. Сахаров В. И. Сеятель мыслей. О жизни и творениях В. Ф. Одоевского // Записки для моего праправнука. Повести. Статьи. Письма. Критика и воспоминания современников. Московские адреса / сост., вступ. ст. и примеч. В. И. Сахарова. М.: Русский миръ, 2006. С. 5–50.
9. Струминский В. Я. В. Ф. Одоевский и его педагогические идеи // Одоевский. Избранные педагогические сочинения / сост., ред. вст. ст. В. Я. Струминского. М.: Учпедгиз, 1955. С. 5–58.
10. Ступель А. М. Владимир Фёдорович Одоевский 1804–1869: популярная биография. Л.: Музыка: Ленинградское отделение, 1985. 95 с.
11. Кубасовъ Ив. Одоевский Владимир Федорович // Половцев А. А. Русский биографический словарь. Т. 12. СПб.: Императорское Русское историческое общество. 1905. С. 124–152.
12. История музыкального образования как наука и как учебный предмет: материалы V международной научно-практической конференции / отв. ред. Э. Б. Абдуллин, В. Г. Агафонников, Е. В. Николаева. М.: МПГУ, 1999. 397 с.
13. Одоевский В. Ф. Записки для моего праправнука. Повести. Статьи. Письма. Критика и воспоминания современников. Московские адреса / сост., вст. ст. и примеч. В. И. Сахарова. М.: Русский миръ, 2006. 512 с.
14. Писанов М., Роменский Г. Русский Гофман, Русский Фауст, и как же без Пушкина // Тайны усадьбы Лукино – Варино: часть 2. Богородск-Ногинск. Богородское краеведение, 13 июня 2022 года. URL: www.bogorodsk-noginsk.ru (дата обращения: 12.12.2024).
15. Медовой М. И. Изобразительное искусство и творчестве В. Ф. Одоевского // Русская литература и изобразительное искусство XVIII – начала XX века. Сб. научн. трудов / отв. ред. Ю. К. Герасимов. Л.: Наука: Ленинградское отделение, 1988. С. 84–95.

16. ВЪ ПАМЯТЬ О КНЯЗѢ ВЛАДИМИРѢ ФЕДОРОВИЧѢ ОДОЕВСКОМЪ. ЗАСѢДАНІЕ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ, 13 Апрѣля, 1869 года. М.: Въ типографіи «Русскаго», 1869. 119 с.
17. Одоевский В. Ф. Избранные педагогические сочинения / сост., ред. вст. ст. В. Я. Струминского. М.: Учпедгиз, 1955. 368 с.
18. Николаева Е. В. Музыкальное образование в России: историко-теоретический и педагогический аспекты. Монография. 2-е изд. испр. и доп. М.: Ритм, 2009. 408 с.
19. Абдуллин Э. Б. Содержание и организация методологической подготовки учителя музыки в системе высшего педагогического образования: дис. ... д-ра пед. наук. М., 1991. 433 с.
20. Николаева Е. В. Научная школа «Методология педагогики музыкального образования» Эдуарда Борисовича Абдуллина // Научные школы Московского педагогического государственного университета. Очерки. Вып. 2. / отв. ред. А. В. Лубков. М.: МПГУ, 2023. С. 157–170.
21. Гачева А. Г. Русский космизм в идеях и лицах. М.: Академический проект, 2019. 431 с.
22. Одоевский В. Ф. О литературе и искусстве. М.: Современник, 1982. 223 с.
23. Ковтун Н. В. Роман В. Ф. Одоевского «4338» и традиции интеллектуальной утопии в России // Социально-экономические и гуманитарные науки, Известия Томского политехнического университета. 2004. Т. 307. № 5. С. 179–183.
24. Отрывки изъ сочиненій князя Одоевского, прочитанныя въ засѣданіи О. Л. Р. // ВЪ ПАМЯТЬ О КНЯЗѢ ВЛАДИМИРѢ ФЕДОРОВИЧѢ ОДОЕВСКОМЪ. ЗАСѢДАНІЕ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ, 13 Апрѣля, 1869 года. М.: Въ типографіи «Русскаго», 1869. С. 103–118.
25. Хачатуров С. В. Князь Владимир Фёдорович Одоевский – визионер contemporary art // Koinon. 2021. Т. 2. № 2. С. 84–105. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.2.017.

Поступила 04.02.2025, принята к публикации 25.02.2025.

26

Об авторе:

Николаева Елена Владимировна, профессор кафедры методологии и технологий педагогики музыкального образования имени Э. Б. Абдуллина Института изящных искусств Московского педагогического государственного университета (МПГУ) (ул. Малая Пироговская, 1/1, Москва, Российская Федерация, 119435), доктор педагогических наук, профессор, elen.nikolaeva@gmail.com

Автором прочитан и одобрен окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Odoevsky V. F. *Muzykal'no-literaturnoe nasledie* [Musical and Literary Legacy]. General ed., an article and notes by G. B. Bernandt. Moscow: State Music Publishing House, 1956. 723 p. (in Russian).
2. Bernandt G. B. V. F. Odoevsky – muzykant [Odoevsky – Musician]. V. F. Odoevsky. *Muzykal'no-literaturnoe nasledie* [V. F. Odoevsky. Musical and Literary Legacy]. Introductory Article. Moscow: State Music Publishing House, 1956. Pp. 5–78 (in Russian).

3. Boguslavsky M. V. Pedagogicheskii futurolog knyaz' Vladimir Odoevsky [Pedagogical Futurologist Prince Vladimir Odoevsky]. *Vestnik obrazovaniya Rossii* [Bulletin of Education of Russia]. 2024, no. 16, pp. 65–73 (in Russian).
4. Gacheva A. G. Filosofskoe i khudozhestvennoe tvorchestvo V. F. Odoevskogo v kontekste traditsii russkogo kosmizma [Philosophical and Artistic Creativity by V. F. Odoevsky in the Context of the Tradition of Russian Cosmism]. *Literatura i filosofiya: ot romantizma k XX veku. K 150-letiyu so dnya smerti V. F. Odoevskogo* [Literature and Philosophy from Romanticism to the Twentieth Century. On the 150th Anniversary of the Death of V. F. Odoevsky]. Ed. and comp. E. A. Takhogo, Moscow: Publishing House "Aquarius", 2019. Pp. 382–396 (in Russian).
5. Makhlina S. T. V. F. Odoevsky o yazyke muzyki [Odoevsky on the Language of Music]. *Filosofskii vek. Al'manakh 13. Rossiiskaya utopiya epokhi prosveshcheniya i traditsii mirovogo utopizma: Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii 27–28 iyulya 2000 g.* [Philosophical Century. Almanac 13. The Russian Utopia of the Enlightenment and the Traditions of World Utopianism: Proceedings of the International Conference July 27–28, 2000]. St. Petersburg: St. Petersburg Center for the History of Ideas, 2000. Pp. 102–110 (in Russian).
6. Praslova G. A. Muzykal'noe obrazovanie kak faktor razvitiya cheloveka v tvorcheskom nasledii V. F. Odoevskogo [Musical Education as a Factor of Human Development in the Creative Legacy of V. F. Odoevsky]. An Educational and Methodological Guide to the Elective Course. St. Petersburg: Publishing House of the A. N. Herzen Russian State Pedagogical University, 1999. 80 p. (in Russian).
7. Sakulin P. N. *Iz istorii russkogo idealizma. Knyaz' V. F. Odoevsky* [From the History of Russian Idealism. Prince V. F. Odoevsky]. Vol. 1. 2. 1913. Available at: <https://imwerden.de/publ-774.html> (accessed: 05.01.2025) (in Russian).
8. Sakharov V. I. Seyatel' myslei. O zhizni i tvoreniyakh V. F. Odoevskogo [The Sower of Thoughts. About the Life and Works of V. F. Odoevsky]. *Zapiski dlya moego praprapravnuka. Povesti. Stat'i. Pis'ma. Kritika i vospominaniya sovremennikov. Moskovskie adresa* [Notes for My Great-Great-Grandson. Stories. Articles. Letters. Criticism and Memoirs of Contemporaries. Moscow Addresses]. Comp., intro. art. and note by V. I. Sakharov. Moscow: Publishing House "Russian World", 2006. Pp. 5–50 (in Russian).
9. Struminsky V. Ya. V. F. Odoevsky i ego pedagogicheskie idei [V. F. Odoevsky and His Pedagogical Ideas]. *Odoevsky. Izbrannye pedagogicheskie sochineniya* [Odoevsky. Selected Pedagogical Works]. Comp., ed. by V. Ya. Struminsky. Moscow: Publishing House "Uchpedgiz", 1955. Pp. 5–58 (in Russian).
10. Stupel A. M. *Vladimir Fedorovich Odoevsky 1804–1869: populyarnaya biografiya* [Vladimir Fedorovich Odoevsky 1804–1869: A Popular Biography]. Leningrad: Publishing House "Music: Leningrad Branch", 1985. 95 p. (in Russian).
11. Kubasov Iv. Odoevsky Vladimir Fedorovich [Odoevsky Vladimir Fedorovich]. *Polovtsev A. A. Russkii biograficheskii slovar'* [Polovtsev A. A. Russian Biographical Dictionary]. Vol. 12. St. Petersburg: Publishing House "Imperial Russian Historical Society", 1905. Pp. 124–152 (in Russian).
12. *Istoriya muzykal'nogo obrazovaniya kak nauka i kak uchebnyi predmet: materialy V mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [The History of Musical Education as a Science and as an Educational Subject: Materials of the V International Scientific and Practical Conference]. Ed. by E. B. Abdullin, V. G. Agafonnikov, E. V. Nikolaeva. Moscow: Moscow State University, 1999. 397 p. (in Russian).

13. Odoevsky V. F. Zapiski dlya moego praprapnuka. Povesti. Stat'i. Pis'ma. Kritika i vospominaniya sovremennikov. Moskovskie adresa [Notes for My Great-Great-Grandson. Stories. Articles. Letters. Criticism and Memoirs of Contemporaries. Moscow Addresses]. Comp., intro. art. and note by V. I. Sakharov. Moscow: Publishing House "Russian World", 2006. 512 p. (in Russian).
14. Pisanov M., Romensky G. Russkii Gofman, Russkii Faust, i kak zhe bez Pushkina [Russian Hoffman, Russian Faust, and How Can It Be without Pushkin]. *Tainy usad'by Lukino – Varino: chast' 2. Bogorodsk-Noginsk. Bogorodskoe kraevedenie, 13 iyunya 2022 goda* [Secrets of the Manor of Lukino – Varino. Part 2. Bogorodsk-Noginsk. Bogorodskoe local History, June 13, 2022]. Available at: www.bogorodsk-noginsk.ru (accessed: 12.12.2024) (in Russian).
15. Medovoy M. I. Izobrazitel'noe iskusstvo i tvorchestve V. F. Odoevskogo [Fine Art and the Work of V. F. Odoevsky]. *Russkaya literatura i izobrazitel'noe iskusstvo XVIII – nachala XX veka* [Russian Literature and Fine Art of the XVIII – Early XX Century]. Collection of Scientific Works. Ed. by Yu. K. Gerasimov. Leningrad: Publishing House "Nauka: Leningrad Branch", 1988. Pp. 84–95 (in Russian).
16. V PAMYAT' O KNYAZE VLADIMIRE FEDOROVICHE ODOEVSKOM. ZASEDANIE OBSHCHESTVA LYUBITELEI ROSSIISKOI SLOVESNOSTI, 13 Aprelya, 1869 goda [IN MEMORY OF PRINCE VLADIMIR ODOYEVSKY. THE PUBLICATION OF THE SOCIETY OF LOVERS OF RUSSIAN LITERATURE, April 13, 1869]. Moscow: Printing House "Russky", 1869. 118 p. (in Russian).
17. Odoevsky V. F. *Izbrannye pedagogicheskie sochineniya* [Selected Pedagogical Works]. Comp., ed. by V. Ya. Struminsky. Moscow: Publishing House "Uchpedgiz", 1955. 368 p. (in Russian).
18. Nikolaeva E. V. *Muzykal'noe obrazovanie v Rossii: istoriko-teoreticheskii i pedagogicheskii aspekty* [Musical Education in Russia: Historical, Theoretical and Pedagogical Aspects]. The Monograph. 2nd ed. add. Moscow: LLC "Rhythm", 2009. 408 p. (in Russian).
19. Abdullin E. B. *Soderzhanie i organizatsiya metodologicheskoi podgotovki uchitelya muzyki v sisteme vysshego pedagogicheskogo obrazovaniya* [The Content and Organization of Methodological Training of Music Teachers in the System of Higher Pedagogical Education]: Thesis of the Doctor of Pedagogical Sciences. Moscow, 1991. 433 p. (in Russian).
20. Nikolaeva E. V. Nauchnaya shkola "Metodologiya pedagogiki muzykal'nogo obrazovaniya" Eduarda Borisovicha Abdullina [Scientific School "Methodology of Pedagogy of Musical Education" by Eduard Borisovich Abdullin]. *Nauchnye shkoly Moskovskogo pedagogicheskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Schools of Moscow Pedagogical State University]. Essays. Issue 2. Ed. by A. V. Lubkov. Moscow: Moscow State University, 2023. Pp. 157–170 (in Russian).
21. Gacheva A. G. *Russkii kosmizm v ideyakh i litsakh* [Russian Cosmism in Ideas and Persons]. Moscow: Publishing House "Academic Project", 2019. 431 p. (in Russian).
22. Odoevsky V. F. *O literature i iskusstve* [On Literature and Art]. Moscow: Publishing House "Sovremennik", 1982. 223 p. (in Russian).
23. Kovtun N. V. Roman V. F. Odoevskogo "4338" i traditsii intellektual'noi utopii v Rossii [Odoevsky's Novel "4338" and the Traditions of Intellectual Utopia in Russia]. *Sotsial'no-ekonomicheskie i gumanitarnye nauki, Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* [Socio-Economic and Humanitarian Sciences, Proceedings of Tomsk Polytechnic University]. 2004, vol. 307, no. 5. pp. 179–183 (in Russian).
24. Otryvki iz sochinenii knyazya Odoevskago, pročitannye v zasedanii O. L. R. [Excerpts from the Writings of Prince Odoevsky, Read at a Meeting of the Society of Lovers of Russian Literature].

V PAMYAT' O KNYAZE VLADIMIRE FEDOROVICHE ODOEVSKOM. ZASEDANIE OBSHCHESTVA LYUBITELEI ROSSIJSKOI SLOVESNOSTI, 13 Aprelya, 1869 goda [IN MEMORY OF PRINCE VLADIMIR ODOYEVSKY. THE PUBLICATION OF THE SOCIETY OF LOVERS OF RUSSIAN LITERATURE, April 13, 1869]. Moscow: Printing House "Russky", 1869. Pp. 103–118 (in Russian).

25. Khachaturov S. V. Knyaz' Vladimir Fedorovich Odoevsky – vizioner contemporary art [Prince Vladimir Fedorovich Odoevsky Is a Visionary of Contemporary Art]. *Koinon*. 2021, vol. 2, no. 2, pp. 84–105 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.2.017.

Submitted 04.02.2025; revised 25.02.2025.

About the author:

Elena V. Nikolaeva, Professor at the Department of Methodology and Technology of Music Education named after E. B. Abdullin of Art Institute of Moscow Pedagogical State University (MPGU) (Malaya Pirogovskaya Street, 1/1, Moscow, Russian Federation, 119435), Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, elen.nikolaeva@gmail.com

The author has read and approved the final manuscript.